

Анатолий Курчаткин

ПОЕЗД

Анатолий Курчаткин

Поезд

«Автор»

2001

Курчаткин А.

Поезд / А. Курчаткин — «Автор», 2001

ISBN 5-227-01147-8

«Женщина проснулась от грохота колес. Похоже, поезд на полной скорости влетел на цельнометаллический мост над оврагом с протекающей внизу речушкой, промахнул его и понесся дальше, с прежним ритмичным однообразием постукивая на стыках рельсов...» Так начинается этот роман Анатолия Курчаткина. Герои его мчатся в некоем поезде – и мчатся уже давно, дни проходят, годы проходят, а они все мчатся, и нет конца-краю их пути, и что за цель его? Они уже давно не помнят того, они привыкли к своей жизни в дороге, в тесноте купе, с его неуютом, неустройством, временностью, которая стала обыденностью. Странна их жизнь, странны их друзья: жираф, американец, имеющий облик вентилятора, – странны нравы, царящие в поезде, что навязывает поездное начальство, и почему в пространстве, которое рвет поезд, царит вечная ночь? Ирреальная действительность художественного мира романа – развернутая метафора реальной действительности, в которой живет любой житель России наших дней. Остросовременный и остросоциальный роман написал Анатолий Курчаткин. Добавьте к этому блистательную писательскую фантазию и великолепный изощренно-легкий слог.

ISBN 5-227-01147-8

© Курчаткин А., 2001

© Автор, 2001

Анатолий Курчаткин

Поезд

© А. Курчаткин 2017

* * *

1

Женщина проснулась от грохота колес. Похоже, поезд на полной скорости влетел на цельнометаллический мост над оврагом с протекающей внизу речушкой, промахнул его и понесся дальше, с прежним ритмичным однообразием постукивая на стыках рельсов, но звучное биение металла о металл проникло в сонное сознание и пробудило его.

Женщина перевернулась на живот, приподнялась на локте и, отведя угол шторы, посмотрела в окно. За окном была полная темь, ни огонька, казалось, поезд завис в этой ночной темени, как в бездне – ни вперед, ни назад, висит в ней, никуда не двигаясь, – и только тяжелое грохотанье под днищем вагона напоминало о том, что на самом деле поезд летит, стремится вперед, глотает километры пути, отбрасывая их назад перемолотым пространством.

– Да уж когда же приедем! – произнесла она вслух.

Совсем негромко произнесла, почти про себя, едва проколебав воздух у губ, но с верхней полки ей ответили:

– Никогда!

Со смешком, с внятной иронией, впаянной в этот смешок подобно игривой летней мушке в кусок льда, и мужчина, поняла она по звучанию голоса, свесил к ней с полки голову.

Мужчина был ее мужем, она знала в нем все – от цвета надетой майки до формы родинки в левом паху – и, даже не видя его в темноте, представила, как вокруг головы у него вырос светящийся серебристый нимб из распавшихся на пробор длинных прямых волос.

– Не шути так! – сказала она в полный голос, поднимая голову к нему в темноту. – Который час, знаешь? А то я что-то не соображаю ничего. Может, пора вставать?

Вверху полотняно всхлопнуло отброшенное в сторону одеяло, мужчина заворочался, с сухим шорохом завозил по стене рукой, отыскивая выключатель ночника, тот, наконец, щелкнул, и на оконные шторы брызнуло мерклым, режущим глаз своим тщедушием светом.

– О-оо! – воскликнул мужчина с экспрессией. – Ничего мы дрыхнем. Конечно, пора вставать. Десять часов проспали. Куда еще!

Он скинул вниз ноги, соскочил на пол, прошлепал по нему и с маху хлопнул ладонью по выключателю лампы под потолком. В одно мгновение вокруг стало светло – снова до болезненной рези в глазах.

Женщина не чувствовала в себе сил вставать.

– Ты шутишь, – сказала она, прикрываясь от света рукой. – Какие десять часов! Я совсем не выпалась.

– Я шучу, я шучу, – пропел мужчина, скача на одной ноге и всовываясь другой в штанину. – Я шучу, тобой верчу и деньгу я молочу!

– Много ты денег намолотил, – с живостью отозвалась на его песенку женщина. – Сиди уж!

– Ради красного словца не пожалеем и отца, – с ответной живостью ответил ей мужчина, продолжая танец с брюками. У него никак не получалось стоять на одной ноге.

– Скоморох, – проговорила женщина, отнимая руку от глаз. Те приспособились к свету, и больше их не резало.

Теперь мужчина промолчал. Похоже, ему хотелось отбрить женщину какой-то резкостью, но он сдержался.

– Нет, неужели десять часов? – ноюще произнесла женщина. – Я совсем не выспалась, совсем! – Говоря это, она тем не менее столкала с себя к ногам одеяло и, охая, спустила вниз ноги, села на полке. – Помню, как легко поднималась молодой – сколько ни поспи.

– А я ничего не помню, не помню, не помню! – выкрикнул мужчина. – Я не был ни молодым, ни еще каким. Я просто был, и был, и был!..

– Нет, я была, – потягиваясь и зевая, сказала женщина. – Какая я была молодая, молодая, молодая!

Она не собиралась передразнивать мужчину, но получилось, что передразнила – как бы спародировала его, – женщина осознала это и рассмеялась.

– Ты и сейчас еще самый цимус, – обнял ее за плечо, помял мужчина. Он решил, что она передразнила специально, и ему это понравилось. – Нечего тебе охать, кто охает – у того жизнь аховая.

Теперь промолчала, не ответила женщина. Выражение ее лица свидетельствовало, что ей бы хотелось сказать очень много, но она держит себя в руках и ничего не скажет.

Мужчина взял со столика у окна, застеленного хлопчатобумажной салфеткой, зубную щетку с тюбиком пасты, прозрачный полиэтиленовый пакет с просвечивающим сквозь него бритвенным станком, сдернул с поручня полотенце и, прокрутив рукоятку щеколды, открыл дверь в коридор.

– Давай присоединяйся ко мне, – бросил он женщине, переступая порог.

Шагая покачивающимся пустынным коридором, отчего его несколько раз бросало то на одну, то на другую стенку, мужчина подумал мимолетно: как странно, так пусто. Прежде в коридоре, когда проходил им, всегда был народ, кто стоял у окна, вглядываясь в проносящиеся мимо пейзажи, кто просто сидел на откидном сиденье, кто разговаривал, оборотившись друг к другу лицом и перегородивши проход, а теперь – никого, никого из раза в раз, никого, никого, никого, повторилось в нем.

А, ночь же, сообразил он следом, взглядывая неволью в окно. Там все так же стояла гулкая темь, поезд раскачивался в ней, будто подвешенный. Но в тот же миг, как мужчина посмотрел в окно, поезд снова проколотил по мосту – вроде того, что разбудил их с женой, – и этот звонкий мгновенный гул напомнил собой о безустанном движении поезда по определенному для него колеей пути.

Купе проводника стояло открытым, но самого проводника в нем не было. Лежала на столике пачка сигарет марки «Винстон», газовая зажигалка, развернутый на середине глянцево-белый журнал с яркими фотографиями, – и это все, что свидетельствовало о его присутствии в вагоне. Мужчина не видел проводника уже очень давно, целую пропасть времени. Когда садились в поезд, проводником был усатый рябой старик – взгляд, случайно наткнувшись на него, тотчас в страхе отскакивал в сторону: так суров, так грозен был старик, чувствовалось: что не по нему, не понравиться – выведет в тамбур, отомкнет дверь наружу и выкинет на полном ходу, без всякой жалости. Потом усатого сменил лысоголовой, толстопузый, постоянно кричавший непонятно что, бегавший по вагону из конца в конец с чаем в подстаканниках и заставлявший всех пить чай независимо от того, хочет кто или нет; его сменил густоволосый, густобровый, с улыбочивым жизнелюбивым лицом, этому было все равно, пьют у него чай или не пьют, ему все было все равно, и он часто вообще исчезал из вагона; и новые проводники, заступавшие на дежурство после него, вели себя похоже.

Но когда мужчина, умывшись, почистив зубы, побрившись, вышел из туалета и направился обратно в купе, проводник сидел на своем месте, курил, облокотив руку с сигаретой

о стол, щурился от вьющегося дымка, закидывая голову назад, и листал журнал с яркими фотографиями. Это был еще вполне молодой человек, много моложе своих предшественников, и вместе с тем удивительно на них на всех – не на каждого в отдельности, а именно на всех сразу – похожий. Мужчина остановился в проеме двери и, старательно улыбаясь, поприветствовал проводника.

Тот поднял от журнала глаза, отнес руку с сигаретой подальше в сторону и молча уставился на мужчину. Взгляд у него был холодный и как бы сонный. У мужчины внутри от этого взгляда невольно продрало морозцем.

– Чаю можно? – спросил мужчина, продолжая старательно улыбаться.

– Чаю? – переспросил проводник, словно не понял.

– Чаю, – подтвердил мужчина, снова ловя себя на том, что по спине у него ознобно ползут мурашки.

– А хочется? – спросил проводник.

На лице у него при этом появилась улыбка. Как бы он и без того знал, что хочется, полагал это желание слабостью, но, впрочем, слабостью простительной.

– Хочется, – опять подтвердил мужчина.

– Ну, хочется, значит, будет, – окончательно простил ему его слабость проводник, продолжая улыбаться. – Идите. Ждите.

И вновь склонился к журналу перед собой, поднес руку с сигаретой к губам, затянулся, всасывая внутрь щеки.

– Идите, идите, – сказал он затем, взяв сигарету изо рта и взглядывая на продолжавшего стоять в дверном проеме мужчину. – Сказал, что будет, значит, будет. Ждите.

Возвращаясь к себе в купе, мужчина чувствовал, что у него сделалась танцующая походка. «Чай. Будет. Ждите. Будет. Чай», – повторял он про себя в ритм этому танцу. Ему ужасно хотелось чаю. Именно от проводника, в фигурно-резных металлических подстаканниках, со звенящими ложечками в тонкостенных стаканах, с брошенным внутрь твердым кубиком рафинада, рассыпающимся на дне в вулканообразную горку. Как не ценили, когда тот лысоголовый носился по коридору, навязывая всем щедро нанизанные веером на пальцы темноянтарные парящие стаканы. Отгалкивали его руки, захлопывали перед ним двери, ругались, высмеивали за глаза, рассказывая про него анекдоты.

Женщина уже поджидала мужчину, сидя перед зеркалом и расчесывая щеткой волосы. Вид у нее был посвежевший. Пока он брился, она успела сгонять в другой туалет, умыться там и вернуться. Она у него вообще была быстрая.

– Краситься пора, – сказала она вошедшему мужчине, не отрываясь от зеркала. – Волосы как растут – ужас. Опять все корни седые.

– Давай покрасься, – поддержал ее мужчина. – Конечно, нечего с сединой ходить.

– Да? Покрасься? – Теперь женщина посмотрела на него. – А где денег взять? Краска сейчас, знаешь, сколько стоит? Есть у тебя деньги?

– Почему у меня, – недовольно пробормотал мужчина. – У нас общие деньги. Не попей немного свой кофе – вот и сэкономишь на окраску.

– Без кофе я не могу, ты прекрасно знаешь, – отпарировала женщина.

Мужчина вспомнил о своей радости.

– Проводник обещал нам чай, – доложил он. – Сказал, подождите немного, обязательно будет.

– Что ты говоришь?! – ответно вспыхнула женщина.

При всей ее страсти к кофе чай от проводника – это для нее тоже было не меньшей радостью, чем для мужчины. Чай от проводника – это был чай от проводника!

– Да, да, – подтвердил мужчина. – Шел сейчас мимо, он там сидит у себя, попросил – он говорит, будет, ждите.

– Подождем, подождем, – как пропела женщина, стремительно начиная взбивать волосы надо лбом, чтобы скрыть седину у корней. Закончила взбивать и так же стремительно убрала щетку куда-то с глаз долой. – Ждем, ждем! – повторила она. И обратилась к мужчине: – Хлеб доставай. Ножи. Порежем сейчас сырок. И колбаски еще осталось...

Мужчина, мелькая сверкающим никелем ножа вверх-вниз, вверх-вниз, быстро порезал хлеб, вареную, ненатурального оранжевого цвета колбасу, сыр, пристававший к никелю будто оконная замазка, женщина разложила все по тарелкам, расставила их на столике так, чтобы свободно поместилось бы еще четыре стакана; прошло изрядно времени, – но проводник не появлялся.

– Он тебе точно обещал принести? – спросила женщина.

– Ну а как же! – вскинулся мужчина.

– А ты случайно не пошутил? – Женщина смотрела на мужчину с язвительной улыбкой созревшего подозрения. – По своему обыкновению.

– Ага, я! – воскликнул мужчина.

Он сорвался с места, открыл дверь и выскочил в коридор. Из коридора рвануло холодным воздухом, тоской пустого пространства, подобного бескрайней пустыне.

Мужчина стремительно прорезал собой это пространство, влетел в теснину перешейка, ведущего к тамбуру, – дверь служебного купе была плотно закрыта. Он с ходу дернул ее за ручку, дверь поехала в сторону, раскрываясь, – купе было девственно пусто. Все сияло чистотой, порядком, нигде ни единого следа пребывания здесь кого бы то ни было. Словно никогда здесь никого не было и не должно было быть.

Мужчина вошел вовнутрь, постоял в растерянности. Подергал дверцу шкафчика, за которой полагалось стоять стаканам, – та не поддавалась. Он снова огляделся. Как если бы проводник был гномом и мог каким-то фантастическим образом здесь спрятаться.

Но проводник гномом точно не был, и спрятаться ему здесь было негде. Хоть предположи, что его здесь и в самом деле не было и он тебе просто примерещился.

Мужчина выступил из купе обратно в теснину перешейка, ведущего к тамбуру, и подергал дверцу шкафчика, скрывавшего собой титан с кипятком. Во всяком случае, чтобы заварить чай, в титане должен был находиться именно кипяток.

Однако и эта дверца оказалась закрыта.

Мужчина шел пустынным коридором, и у него было чувство, он не идет, а тащит себя. Разбежался! Чаю ему в подстаканнике! Вскипяти воду кипятильником и завари сам – какой у тебя есть. Барин нашелся: подайте ему!

– Что? – увидев его, все поняла женщина. – Не будет чая? Я так и знала. Нечего было и ждать.

Мужчина сорвался на крик – не понял, как это с ним случилось.

– Что ты знала?! Что ты знала?! Все ты всегда знаешь! Знала, так чего ждала?!

– Ну, я надеялась, – уступаяще, напоминая самой себе поджавшую хвост собаку, произнесла женщина.

– Надеялась она! – рявкнул мужчина.

– Да, все обман кругом стало, все обман. – Женщина изо всех сил старалась, чтобы голос ее звучал как можно миролюбивей. Она боялась мужчину, когда он становился таким. Невменяемым, говорила она про себя.

– Вот именно, – остывающе проронил мужчина. – А тебе все выглядеть умнее других хочется. Продемонстрировать себя! Что демонстрировать. Сама такая же.

– Такая же, такая же, – с прежней уступающей интонацией отозвалась женщина. Вытащила свернувшийся кольцами анаконды проржавело-бурый кипятильник с длинным черным хвостом провода, достала стеклянную литровую банку и протянула мужчине: – Набери воды в туалете?

– Куда денусь, – уже стыдясь своего крика, принял мужчина банку из ее рук. – Наберу. Конечно.

2

Жираф появился, когда они допивали чай. Осталось только на самом дне банки – коричневая муть взвеси с крошевом чаинок внизу. Он появился из-под стола, на котором у них был разложен завтрак. Высунул оттуда свои антенные рожки, покрутил головой вправо-влево, показывая мужчине с женщиной, что он – вот он, прополз немного на коленях и, подтянув короткие задние ноги, встал в полный рост.

– Мое явление собственной персоной, – проговорил он. – А собственно, если не собственной, то как по-другому?

– Вот именно, – тотчас, наставительно откликнулась женщина.

– Ладно, нечего выкаблучиваться, – сказал мужчина. – Пришел, и хорош. Чаю будешь?

– Вы же знаете, я не употребляю, – ответил жираф и тут же наклонил голову к столу, всунулся своей узкой длинной мордой в банку, наклонил ее и с шумом втянул в себя мутную взвесь. – Фу! Фу! – отфыркиваясь, выбрался он из банки. Толстые его негритянские губы брезгливо кривились, ноздри топорщились в стороны. – Оставили одну гадость. С вами так и в самом деле перестанешь употреблять.

– «Употреблять» – это не про чай принято говорить, – с прежней наставительностью сказала женщина. – Это про кое-что другое.

– А я полагаю, и про чай, – невозмутимо парировал жираф. – Сенца вы мне, случаем, не припасли?

Мужчина усмехнулся. Этот вопрос адресовался ему, не кому другому.

Он молча поднялся со своего места, снял с полки над дверью чемодан, расщелкнул замки и, откинув крышку, достал изнутри несколько картонных аптечных коробок с лекарственными травами.

– Что у нас может быть, – отправив чемодан обратно на полку и принимаясь вскрывать коробки, сказал он. Склеенные картонные створки отдирались одна от другой с хлопаящим сухим треском. – Вот, мать-и-мачеха от кашля. Зверобой, общеукрепляющая. А вот валерьянка. Корни валерьяны, в смысле.

– Я не котяра какой-нибудь, мне не вредно, не возбужусь, – замороженно уставясь на коробки в руках мужчины, сказал жираф. – Могу и валерьянку.

– Ну, можешь, так и давай, – сказала женщина.

Теперь это было произнесено ею с покровительственностью.

Жираф не ответил ей. Он уже изнемогал, его так и водило из стороны в сторону предвкушением гастрономического блаженства. Ему даже прикрывало от этого предстоящего блаженства глаза.

– На, – поставил перед ним вскрытые коробки мужчина. – Сено не сено, но не солома точно.

В ответ ему жираф издал только задышливое урчание. Губы его были погружены в коробку, он торопливо работал ими там внутри, и коробка от их движения шевелилась на столе, ездил вперед-назад, будто живая. Пергаментная бумага внутренней упаковки издавала звонкий шелестящий звук, как если бы сопротивлялась жующим губам, но без надежды сохранить свое содержимое.

Во всяком случае, такое сравнение пришло в голову мужчине. Смотрел на жирафа – и вот подумалось.

– А ты говорила, не будет он валерьянку, – поглядел мужчина на женщину. – За милую душу!

– Ну он же не котяра какой-нибудь, – защитилась женщина. Так, словно высказала свою собственную, выношенную мысль, а не повторила сейчас просто слова жирафа.

Жираф закончил с последней коробкой, выдохнул воздух, сдув ее с морды, и удовлетворенно помотал головой:

– Райское наслаждение. Ради этого мгновения стоило жить.

Женщина фыркнула.

– Вот, ради такого – тоже, – сказал жираф. – Люблю, когда удается поднять настроение друзьям.

– Да, надо признаться... – начал было мужчина и махнул рукой, решив не вспоминать заново о неудавшемся чаепитии с подстаканниками.

Жираф подогнул задние ноги и опустился на пол.

– Ну, расскажи что-нибудь, – попросила его женщина.

– Непременно, – кивнул жираф. – Готовится указ о производстве всех жирафов в генералы, слышали?

Он сказал это – и сам же, не выдержав, захохотал.

– А? Что? – спрашивал он сквозь смех. – Неплохо я буду выглядеть с погонами? Тем более генеральскими. А в генеральской фуражке для моих рогов пробьют специальные отверстия. А как на мне будут глядеться генеральские штаны с лампасами!

Мужчина, слушая жирафа, похмыкивал, посмеивался вслед ему, но женщину шутка жирафа не проняла и не понравилась.

– Очень интересная новость, – сказала она. – Слышали уже. Правда, будут производить не в генералы, а в золотари. Шея у вас длинная, будете ведро на веревке таскать. Вверх-вниз, туда-сюда.

– Ну зачем ты так, – поморщился мужчина. Ему стало неудобно за нее перед жирафом.

Но жираф не обиделся.

– В Америке, – сказал он, – изобрели кастрюлю, которая варит без всякого огня. Поддерживает стоградусную температуру в течение целых полутора часов! Молодцы американцы, да?

– Да что американцы. – Женщина пожала плечами. – Известное же дело, никакие не американцы, а какие-нибудь китайцы, или японцы, или наши же эмигранты. Американцы сами ни до чего додуматься не могут.

– Ну, это я не соглашусь, – упрямо помотал головой жираф. – И могут, и додумываются, и еще как. Я америкоман, и не скрываю этого. Великая нация!

– Великая, кто ж спорит, – подтвердил мужчина.

Но жирафу хотелось именно поспорить.

– И не убеждайте меня в противоположном, не надо. Все равно не убедите, – играя голосом, сказал он. – Американцы – великая нация, а вот испанцы, например, – это так себе.

– Это вдруг почему? – удивился мужчина.

– Или французы? – вопросительно произнес жираф. – Сальвадор Дали, художник этот, он кем был? Жил во Франции, но был испанцем? Или все же французом?

– Испанцем он был, испанцем, – подсказала женщина.

– Ну вот, значит, все правильно, значит, я испанцев имел в виду, – сказал жираф.

– Да почему же они «так себе»?! – не выдержал, воскликнул мужчина.

– Потому что этот Дали нарисовал горящего жирафа, – ответил, наконец, жираф. В голосе его кипел металл. – Он не мог придумать ничего более выразительного и отвечающего правде жизни. Почему жирафа? Вот ответьте мне, почему жирафа?

* * *

Жираф просидел у мужчины и женщины больше часа, может быть, даже больше двух или трех, они переговорили обо всем на свете – не умолкая, перебивая друг друга, торопясь сказать о своем, не помянув и десятой части того, что хотелось сказать; разговор их длился, длился – но вдруг мужчина поймал себя на том, что уже какое-то время беседует с пустотой. Жираф исчез, словно растворился в воздухе, – так же неожиданно, как появился. Был – и не стало, и осознать его исчезновение удалось далеко не сразу.

Мужчина прервал себя на полуслове и посмотрел на женщину. Она задремала. Сидела, сложив руки на груди крест-накрест, а голова ее склонилась к плечу. Корни волос у нее действительно были седые, седину эту не мог скрыть никакой начес. Жалко, что уснула. Даже не уточнишь, когда же жираф прервал свое гостевание.

Дверь с грохотом откатилась в сторону, на пороге возник проводник. Он был одет по всей форме – как ему полагалось: с черным форменным галстуком под отворотами ворота белой форменной рубашки, черный форменный китель застегнут на все пуговицы, и те надраены до ослепительного солнечного сияния.

– Ну так что же за чаем-то не пришли? – спросил он.

В голосе его была прощающая благожелательность. Но и порицание: нужно было прийти!

– Так ведь вы же сказали – ждите! – ошарашенно вскинулся мужчина. Ощущая одновременно, что от слов проводника в нем возникло и разрастается чувство вины.

– Когда я сказал – ждите? – с резко обострившимся порицанием произнес проводник.

– Ну вот... когда мы разговаривали... тогда. – Мужчина потерялся; он уже не был вполне уверен, что проводник говорил это слово – «ждите». Может быть, и не говорил?

– Что-то вы не так меня поняли, – холодно сказал проводник. И спросил через паузу: – Так что, будете брать чай?

Мужчина не знал, как ему отказаться, чтобы не обидеть проводника. Не брать же было чай из вежливости, когда так надулись своим из банки.

– Я... вы понимаете... я заглянул... мне показалось, что вы забыли... вас не было... – забормотал он.

Проводник холодно смотрел на него, в глазах его было всякое отсутствие интереса к объяснениям мужчины, и мужчина совсем потерялся, сбился с мысли – и смолк.

– В следующий раз пусть вам не кажется, – сказал проводник. – Не знаете толком, что вам нужно, нечего беспокоить. – Ноздри его пошевелились, он втянул носом воздух: – Чем это у вас тут пахнет? Псиной, что ли?

– Какой псиной, что вы?! – испуганно проговорила женщина. Голоса мужчины с проводником разбудили ее, она ошалело хлопала глазами, ничего, судя по всему, не понимая, но «псиная» – о, это слово тотчас заставило ее сделать стойку.

– Не знаю, какая псиная, – пристально оглядывая купе своим холодным взглядом, ответил проводник. – Смотрите! Чтоб никаких собак в вагоне! Проездные документы не оформлены. Без проездных документов не положено. Ссажу с поезда – и гуляйте.

– Нет, что вы, какие собаки, какие собаки! – торопливо, незаметно для себя впадая в интонацию женщины, заприговаривал мужчина. – Где вы видите каких собак, что вы! Запах, вам показалось? Это мы ели, сыр не очень свежий...

– Сыр? – переспросил проводник. – Ну ладно, пусть сыр. Но собак чтоб... чтоб ими не пахло! – Ему понравилась собственная шутка, и он усмехнулся. – Да? Поняли?

– Поняли, поняли! – одновременно закивали мужчина и женщина.

Проводник постоял еще мгновение в дверях, потом молча отступил назад и бросил дверь в косяк. Собачка замка, входя в гнездо, звучно хрюснула, стенка от удара содрогнулась, полка под мужчиной и женщиной отозвалась ответным сотрясением.

– Ох, я испугалась! – приложила руку к груди женщина. – Я думала, приятель наш здесь. Думала, ну проводник сейчас увидит его!

– Да, и меня продрало, – признался мужчина. – Даже и не знаю почему. Вдруг, думаю, что-то поймет. Хотя этого нашего и след простыл.

– Простыл! А он вон что-то учуял.

– А и вовсе от нашего никакой псиной не пахнет, – сказал мужчина. – Что он учуял...

– Интересно, – проговорила женщина, – если бы он пришел чуть раньше и увидел его? Что бы тогда?

– А-а! – экспрессивно вскинул руки мужчина. – Думать еще об этом! Увидел бы и увидел.

Женщина помолчала.

– Он бы его не увидел, – сказала она затем.

– То есть? – Мужчина не понял.

– Не увидел бы, потому что никому, кроме нас, увидеть его не дано. Он только наш.

– Так вот, да? – пробормотал мужчина. – Ну что ж, хороший способ, чтоб успокоиться.

Если помогает, почему не верить.

– Нет, это точно, точно, – с убежденностью произнесла женщина.

Мужчина согласно покивал:

– Да верь, верь. Я не против.

3

Поезд все так же гремел колесами, рвал пространство перед собой, отбрасывал его назад, все той же жгуче-непроглядной оставалась тьма за окном.

– Люди, верящие в свои достоинства, считают долгом быть несчастными, дабы убедить таким образом и других и себя в том, что судьба еще не воздала им по заслугам, – читала женщина, далеко, на расстояние вытянутой руки относя от глаз книгу. Читать без очков было ей тяжело, но она хотела именно читать, а не слушать, как будет читать мужчина. Очки у нее уже изрядное время назад разбились, следовало, конечно, приобрести новые, но скопить денег на покупку новых все пока не получалось, и она пыталась обходиться без них. – Точно как, да? – дочитав, подняла женщина глаза на мужчину. – Замечательно точно. Вот еще, послушай: – Нам дарует радость не то, что нас окружает, а наше отношение к окружающему, и мы бываем счастливы, обладая тем, что любим, а не тем, что другие считают достойным любви.

Мужчина зевнул. Потянулся.

– Замечательно, – подтвердил он. – Согласен. Ни слова неверного. – И снова потянулся, до хруста в суставах. Он уже знал всю мудрость этой захваченной в дорогу книги едва не на зубок. – Если б мне за мое согласие еще бы и работенку какую-нибудь подкинули.

– Кому ты нужен, – безжалостно ответила женщина. – Живи на пенсию.

– Никому не нужен, – вновь подтвердил мужчина. – И ты тоже.

– Ну... и я тоже, – с запинкой произнесла женщина. И добавила с решительностью: – Нечего поэтому и говорить об этом.

– Само получается, – не оправдываясь, через паузу, сказал мужчина. Побарабанил пальцами по колену, вскинул руку резким движением вверх и уронил обратно на колено, снова пробарабанил пальцами. – Когда уж мы приедем!

– Ты же говорил, никогда?! – тотчас, с радостью уличения вскинулась женщина.

– Мало ли что я говорил, – отозвался мужчина. – Когда-нибудь, конечно, приедем. Весь вопрос в том – когда?

Он забросил руки за голову, откинулся назад, к стенке, и закрыл глаза. Посланный через вагонный корпус, через кости кистей на затылке, в голову ему ударил стук колес о рельсы. Бам-бан, двойным ударом гремели колеса в голове, бам-бан, бам-бан.

Когда-то, помнилось мужчине, в бесконечной дали молодости, им очень хотелось попасть в этот поезд. Страстно хотелось. Они тогда жили в будке стрелочника, выскакивали к проносящимся мимо составам то с флажком в руке, то с фонарем – в зависимости от времени суток. В сутках тогда были и день, и ночь, свет сменялся тьмой, а тьма – снова светом, с завидной регулярностью, и когда опускалась тьма, то повсюду вокруг зажигались огни – десятки, сотни огней, и уже не было разницы: день ли, ночь ли, свет, тьма. Но так всякий раз, когда выскакивали из будки на приближающийся грохот очередного состава, точило завистью к тем, кто промелькивал мимо за вагонными окнами, так сжимало тоской сердце, такое наваливалось отчаяние, что никогда не удастся подняться по рифленным железным ступенькам, оказаться внутри, пройти длинным, украшенным цветной ковровой дорожкой коридором к своему купе, занять положенные места...

Все, однако, получилось само собой. И поднялись, и прошли, и заняли. И, как теперь понимал мужчина, иначе не могло быть. Просто настала их пора сесть в поезд – и кто мог помешать им в этом? Если билеты на руках, а поезд останавливается перед тобой, двери распахиваются, и проводники выходят из тамбурной тени в готовности впустить тебя внутрь...

Как они были счастливы оказаться в поезде! Как жадно вглядывались в проносящиеся за окном пейзажи, которых из будки стрелочника никогда бы не увидели. А сколько у них было друзей! Ходили из одного купе в другое, и приходили к ним, толклись шумной толпой в коридоре, так что даже тот первый проводник-усач, когда ему случалось проходить мимо, не решался сказать ни слова замечания.

– Пойди прогуляйся, отоварься чем-нибудь на обед, – извлек мужчину из воспоминаний о прошлом голос женщины. – Развеешься ко всему прочему.

Мужчина открыл глаза. Нет, прогулка за продуктами вовсе не могла доставить ему радости. Суррогат действия, пустая мышечная активность, не дающая душе ровным счетом ничего.

Но препираться с женщиной не хотелось. Да и кому-то в конце концов нужно было сходить «отовариться».

– Давай прогуляюсь, – согласился он.

– А я, пока ты ходишь, постираю белье, – сказала женщина. – А то совсем грязное стало, давно пора постирать. Постираю, да?

– Постирай, конечно, – равнодушно благословил ее мужчина.

* * *

Дорога за продуктами пролегла через ресторан. Последнюю пору проходить через ресторан было все равно что протаскивать себя через строй. Раньше мужчина и женщина нередко позволяли себе обед в ресторане; не то чтобы они были его завсегдатаями, но именно что позволяли. Однако уже довольно изрядное время они не могли разрешить себе его посещения. А в нем все больше и больше становилось незнакомых лиц, прежние знакомые, практически, исчезли, и когда проходил за продуктами, хозяева столов все как один вперивались в тебя взглядами, провожали из конца в конец, на обратном пути внимательно изучали содержимое твоей авоськи, и всегда взгляды эти были недоуменно-недоброжелательны и даже враждебны. Словно ты безо всякого права вторгся на чужую территорию и странно, что не осознаешь этого. Впрочем, ресторан и в самом деле сделался как бы особой территорией:

в нем теперь сидели вот уж точно что завсегда – одни и те же люди из раза в раз, и удивительным образом все они были похожи друг на друга: хмуро-подозрительным выражением лиц, неизменным взглядом исподлобья, – казалось, они готовы в любую минуту вскочить и ударить тебя.

И сейчас, прежде чем растворить дверь в ресторанный зал, мужчина мгновение постоял перед нею, внутренне собрался, как бы взнуздal себя, натянул струной – чтобы пройти сквозь этот строй с деревянным бесчувствием. Рычажная ручка поддавалась нажатую руки, дверь отплыла в сторону, и мужчина шагнул внутрь.

К его удивлению, ресторан оказался тих, пуст, зал его зиял едва не такой же провальной тьмой, как та, что стояла за окном. Она не была такой же из-за горевшей на одном из столов в середине зала большой настольной лампы под широким зеленым абажуром; лишь этот стол и был занят – тускло освещалось несколько лиц, ходили над тарелками руки с поблескивающими ножами и вилками, раздавался легкий стук металла о фарфор, позванивал хрусталь, гудели негромко голоса.

Замечательно, подумал мужчина обрадованно. Темнота – это ему было на руку. Кто бы и как на него ни глядел, он будет невидим для них, недосыгаем для их взглядов, – только звук шагов, и ничего больше.

Он двинулся по проходу между столами, но успел сделать каких-нибудь три шага, – откуда-то из темноты вынеслась вдруг, обдав бурным дыханием, большая жаркая масса. Мгновение – и правая рука мужчины оказалась завернута за спину, да так, что его согнуло пополам, а изо рта вылетел хриплый судорожный вскрик.

– Кто такой?! Что надо?! – обжигаящим кипятком прорычала масса над ухом.

– Вы... вы!.. Я... Вы что!.. Отпустите!.. – забился мужчина.

– Я тебя сейчас отпущу! – было ему ответом, и руку мужчине завернули так, что из него снова вывалился безобразный клокочущий крик и он перегнулся в поясе едва не до пола.

– Кто там? Что ему нужно? Как он прошел? – услышал мужчина – и понял, что это спрашивают те, из-за стола.

– Я... как обычно... за продуктами... – сумел он выдать из себя.

За столом дружно грохнули. Смех был кичливый и издевательский.

– За продуктами он! Похавать захотел! Обнаглел вконец! В дурачка играет! – доносились до мужчины.

– Ну-ка подволоки его сюда поближе! – выделившись из других, приказал затем чей-то голос.

Масса, пригибавшая мужчину к полу, поддала ему под зад коленом, одновременно отпустив завернутую руку, и мужчина полетел вперед, заперевирал ногами, стремясь удержаться, не упасть, но не получилось, и он так, с маху, рухнул перед столом на пол, ударившись о него лицом. Лицевые кости тотчас отозвались на удар горячей болью, в носу словно бы просквозило, и мужчина почувствовал, как наружу из носа хлынуло.

Вытащив руку из-за спины, он оперся обеими руками о пол, встал на колени, закинул голову назад и зашарил в брючном кармане, отыскивая платок.

– Что вы сделали!.. – глухо промычал он в ослепительную тьму перед собой.

– Сейчас еще получишь, – коротко ударили его сзади в затылок, так что голова мотнулась вперед и кровь, рванувшись из носа обильной струей, забарабанила перед мужчиной об пол.

– А, знаю его! – услышал мужчина чей-то голос.

Он, наконец, сумел вытащить из кармана платок, зажал нос и попытался сфокусировать зрение, чтобы увидеть сидевших за столом. В конце концов ему это удалось.

Их было человек пять за столом. Или шесть. Точнее мужчина посчитать не мог. Это были проводники. Все в форме, в галстуках, только по случаю трапезы кто расстегнул верх-

нюю пуговицу рубашки, а кто и пиджак. Один из этих пятерых или шестерых был проводник его вагона. Это, конечно же, он и сказал, что знает мужчину.

Мужчина ощутил, как его прошило радостью.

– О, это вы! – воскликнул он. Из-за того, что приходилось зажимать платком нос, вышло у него это довольно невнятно. – Что тут такое? Что происходит? Я за продуктами...

– Заткнись! – оборвал его один из сидевших за столом. Может быть, тот, что приказал подтащить поближе. – Не гундось. Что, не знаешь, что продуктами в поезде больше не торгуют?

– То есть? Как это? – спрашивал было мужчина – и смолк. Его сковал страх перед новым ударом по затылку. Ведь ему было велено заткнуться.

За столом в несколько голосов всохотнули.

– Ну ладно, ладно, что смеяться над человеком, – увещеваяще проговорил знакомый голос проводника из вагона мужчины. – Не знал! Не сказал ему никто. А радио не слушал. Забыл включить. Или испорчено.

– Испорчено? – прекращая смеяться, сурово спросил мужчину из-за стола один из проводников.

– Или не включено? – перебивая его, спросил тот, что приказывал подтащить поближе, а потом – заткнуться.

– Не включено, – подтвердил мужчина.

– Это почему?! Должно быть включено! Кто разрешил выключить?! – разом с возмущением проговорило несколько проводников. У одного от возмущения рука с ножом даже вскинулась вверх – словно он собирался броситься с ним на мужчину.

Тот, что велел мужчине заткнуться, видимо, старшинствовавший у них, а может быть, и бывший начальником поезда, медленным тяжелым движением повернулся в сторону проводника из вагона мужчины.

– Ты как следишь? – с этой же тяжелой медлительностью, что была в его движении, проговорил он. – Почему у него радио выключено?

– Не доследил, – тотчас отозвался проводник из вагона мужчины. На выдохе, с покаянностью, с интонацией самобичевания. Он опустил руки с ножом и вилок по обеим сторонам тарелки, вытянулся над нею как бы по стойке «смирно». Губы у него подобрались, в глазах стояло выражение осознания своей вины. Искреннее и прочувствованное.

Старшинствовавший, а может быть, и начальник поезда, подержал на нем свой тяжелый взгляд еще и снова повернулся к мужчине.

– Почему выключаешь радио?

– Голова болит, – сказал мужчина.

– От чего, от радио?

– От радио, – подтвердил мужчина.

– А таблетку от головной боли принять?

– Зачем же таблетку, когда можно просто выключить, – прогундосил мужчина. Он почувствовал, кровь остановилась, отнял платок от носа, а следом обнаружил, что по-прежнему стоит на коленях и так, коленапреклоненно, разговаривает с ними. Словно какой-нибудь раб. Его мигом подняло с коленей, было мгновение – опажнуло страхом: снова заломят руку и снова бросят на пол, но этого не случилось, и его опажнуло новой волной радости. – Просто выключить – и никакой головной боли, – с этой радостью подтвердил он свои предыдущие слова.

Старшинствовавший за столом, бывший, возможно, начальником поезда, повернул голову к проводнику мужчины и, морща губы, покачал головой:

– Слышал? Я такого – чтоб больше ни разу. Разберись.

– Непременно. Обязательно. Все будет как должно, – продолжая сидеть по стойке «смирно», с глазами, полными осознания своей вины, быстро проговорил проводник.

– Пошел. Кругом марш, – глянув на мужчину, бросил старшинствовавший, возможно, начальник поезда.

– Простите! – выкрикнул мужчина. – А продукты? Как же продукты? Где их теперь покупать?

Ответом ему был новый взрыв хохота.

– Где ему покупать! Наглец! Ну, ни хрена будто не соображает! Хоть кол ему на голове теши!.. – хохотали сидевшие за столом.

И теперь проводник мужчины не предпринял попытки заступиться за него.

Потом проводник, что первым задал мужчине вопрос о радио, с той же суровостью, что спросил: «Испорчено?» – наставил на него указательный палец:

– Все! Кончилась лафа! Устраивайтесь, кто как может. Кто как хочет. Хватит, наползались тут! Что, ресторан проходной дом вам? И нечего больше бухтеть, сказано – пошел!

Жаркая масса, бурно дышавшая в темноте рядом, вновь надвинулась на мужчину, взяла его за плечо и, развернув, двинула обратно к тамбурной двери – откуда пришел. В мужчине все возопило протестом, мысленно он отшвырнул от себя своего конвойного, вмазал его в стенку, вытолкал в окно, втрамбовал в колеблющийся под ногами, гудящий пол, но на самом деле куда ему было против этой горы мышц! Он стиснул зубы – и, ведомый направляющей рукой пышущей жаром массы, покорно проследовал к выходу.

4

Женщина, когда мужчина распахнул дверь в купе, сидела на полу. Со втянутой в плечи головой, беспомощно вскинутыми перед лицом руками – словно от кого-то защищаясь. В глазах ее, когда она метнула взгляд на вошедшего мужчину, он увидел ужас.

Слова гнева и возмущения, с которыми мужчина спешил к ней, чтобы рассказать о происшествии в ресторане, истаяли с языка, не сложившись в звуки. Он все понял. Она и в самом деле защищалась.

– Опять здесь? – бросился он к женщине. – Где?!

И увидел.

Американец, от которого защищалась женщина, висел под потолком, в самом его центре – подобно пауку в середине своей серебристой паутины. Только в отличие от паука он сам весь был серебристый – точно перистые облачка в летний день на высоком голубом небе, – и особо серебристым, просто ослепительно серебристым был круг стремительно вращающихся лопастей над ним. Он имел облик большого, крупноголового вентилятора с трех длинных, изогнутых наружу лапах, и все в этом его облике: и мощные широкие лопасти, то скрытые раздвижным решетчатым чехлом, то вольно распахнутые наружу, и невероятно длинные конечности, на которых он умудрялся передвигаться быстро и ловко, ничуть в них не путаясь, и сам корпус, rispetабельно-изысканной, тяжеловесной линии, – все это так и заявляло о себе: американец! американец! американец!

– Вон! – закричал мужчина, хватая со столика у окна лежавший там столовый нож и угрожающе вскидывая руку с ним к потолку. – Пошел вон отсюда, скотина!

Американец под потолком, слушая его, саркастически усмехнулся.

– Личную инициативу нужно проявлять, – без всякой видимой связи со словами мужчины, с некой механической заученностью изрек он оттуда. – Больше ответственности брать на себя. Слишком инертны!

– Вон! – повторил мужчина, вновь взмахивая ножом. – Получишь от меня! Я – не она, получишь по первое число!

Американец появлялся у них уже не в первый раз. Весьма не в первый. И всякий раз вел себя вызывающе агрессивно. Сначала, когда только объявился, он умел лишь по-английски, вещал-вещал что-то со строгим учительским видом – и на ветер, мужчина с женщиной непонимающе разводили руками. То, что они не понимали его, вызывало у американца негодование, он бешено вращал лопастями, возмущенно притопывал, сыпал искрами короткого замыкания. Когда он впервые позволил себе употребить силу, мужчина с женщиной расценили это как род шутки. Но «шутки», хотя американец вполне овладел русским, стали повторяться, и мужчина не выдержал. Он ответил американцу. Даже и с перехлестом, – накопело. После этого довольно долгое время американец не возникал. А когда начал появляться вновь, то неизменно в его отсутствие. Донимал женщину нравоучениями, агрессия была из него фонтаном, – и у женщины не доставало сил дать ему надлежащий отпор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.